

**Словообразовательная игра как вербальная упаковка
социальных интеракций человека и общества**

*Мы пьем за русский образ жизни,
Где образ есть, а жизни нет.
(И. Губерман)*

Социолингвистическая проблема связи языка и общества в последнее десятилетие получила новое освещение в многочисленных работах (Гридина, Пищальникова, Санников, Пинкер, Болдарева, Шаховский 2003 б, в, г, д и др.). Рассмотрение словообразовательного материала игры с русским языком показывает, что этот процесс в настоящее время довольно интерактивен. Это объясняется специфическими неурядицами социально-экономической ситуации в России: громадным расслоением общества, бессовестной лживостью и полной безответственностью государственных чиновников, неработающей конституцией, абсолютной незащищенностью населения от произвола преступного и террористического мира и пр. Чтобы этот негатив нового социального порядка сгладить, СМИ, и особенно ТВ, выполняют задание по максимальному развлечению населения. Слоган древних «Хлеба и зрелищ!» заменен на слоган «Зрелищ, зрелищ и зрелищ!». Количество юмористических передач на ТВ уже не поддается исчислению. Пределы языковых вольностей, пошлостей, глупостей и вульгаризмов, стремящихся ежедневно рассмешить страну, давно уже находятся за линией горизонта всякого здравого смысла.

Манипулирование языковым сознанием людей наши СМИ осуществляют через эксплуатацию игровой функции русского языка. Эта функция тесно связана с маскирующей функцией (манипулятивной) и разоблачительной функцией языка, которую народ использует как средство борьбы с социальным строем.

В целом, хохот как рефлекс на «Аншлаг», «Кривое зеркало», «Задоринки», «Смехопанораму» и все др. «шоу» используется СМИ как

психотерапевтические сеансы Чумака и Кашпировского. Их задача – чисто психологическая. Называется она сублимация или перенос (замещение). Это – форма психологического воздействия на людей, при котором чувства, стремления, желания, влечения, цели, которые должны быть направлены на один объект, направляются на другой [Литвак: 346]. Ежедневный хохот, провоцируемый «мастерами цеха» игрой с языком, отвлекает народ от повседневных раздумий о плачевных результатах экспериментов над страной.

Да, мы из горького опыта знаем уже, что слово уводит мысли: риторика Гитлера → 2-ая мировая война, риторика Горбачева → лжеперестройка и лженовое мышление, риторика Ельцина → расстрел Белого дома, развал СССР, распродажа страны олигархам. Но лингвисты и философы также знают и то, что если бы мысль всегда определялась словом, то откуда бы появлялись новые слова в языке? (Пинкер). То, как люди видят мир, определяет то, как мы о нем говорим. В начале была эмоция: осмысление события, факта начинается с чувствования. Мы думаем не мыслями, а чувствами. Мысли лишь помогают передать чувственную информацию.

Эмоциональное отношение людей к социальной ситуации в России зарождается в их реакциях на нее, проходит стадию осмысления, в начале чувственного, потом ментального – умственными глазами. По Пинкеру люди, особенно, творческие, вообще думают не словами, а ментальными образами, т.е. умственными глазами (Пинкер), и только после этой стадии эмоционально осмысленные образы получают упаковку для удобства их фиксации, хранения и трансляции.

Л.Витгенштейн считает мысль картиной факта (события), т.е. пропозицией, обладающей смыслом. Язык же, в таком случае является совокупностью пропозиций и их упаковочным материалом, переодевающим мысли, т.е. меняющим их платя.

Эта теория особенно подтверждается на фактах языковой игры (игры с языком). Перестройка, начатая Горбачевым, обозначалась словом с

интенционально положительной эмотивной коннотацией. После того, как люди быстро поняли, что их в бесконечно очередной раз обманул и этот говорливый пятнистый парень, они начали менять платье у этого слова - *катастройка, узкоройка, расстройка*, а с приходом нового реформатора смысл «обманная перестройка» получает платье *бористройка, прихватизация* и англо-русский гибрид *терростройка*. Каждое из этих словообразовательных игровых дериватов наполнено иронией и сарказмом, через которые люди оценили беспорядок, дезорганизацию, беспредел и особенно криминал, которые были этой горбонимикой и ельциномикой порождены в России. К тому же периоду относится и игровое словообразовательное гнездо англо-русских гибридов с эмоциональной семантикой «вранье»: от английского слова *to fudge* – «врать» были образованы игровые варианты: *фуджировать, зафуджировать, перифуджировать, нафуджироваться*. Обращает на себя внимание та легкость, с которой русский язык позволяет с собой играть. На материале американизмов я об этом уже писал ранее в [Шаховский 2002,2003 а]. К этой же группе относятся игровые дериваты: *нюрашенцы, пиарщик, отпиарить(ся), стевшон, леннон (и теперь живее всех живых ...), битлотека (им. В.И.Ленина), ментхаус, старлетки (про «ТаТу»шек), поматросинг-бросинг* (самый популярный языковой суффикс – *ing*, в русском языке уже насчитывается более 200 гибридных дериватов с ним).

В каждом игровом деривате содержится эмоция игрока, а каждая его эмоция – это свернутый текст. Он не простой, т.к. является текстом-отношением, который коррелирует со своим дериватом (компакт-текстом). Такие компакт-тексты могут создаваться как по правилам (словообразования и – преобразования, фразо – и сверффразообразования), когда все участники коммуникативного акта понимают эту игру и бессознательно знают ее правила, так и не по правилам, в результате чего рождаются неожиданные дериваты: *зубы свободы* («Нельзя искоренить, нельзя вырвать зубы свободы, которые уже посеяны в обществе»- сказал Попцов в ТВ интервью). Зубы

свободы – это про наших либералов и хозяев теперешней жизни. Раньше говорили о зубах дракона, т.е. о зубах злобы, вражды, разрушения. Не таковы ли зубы свободы по Попцову? (Сов. Россия № 103: А Бобров Страшный свет).

Ю.М.Лотман считает текст не только генератором новых смыслов, но и конденсатом культурной памяти. «Текст обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах» - пишет Ю.М. Лотман, называя этот феномен памятью текста. Поэтому в неологическом словосочетании *зубы свободы* спрятаны смыслы предшествующих контекстов слова *зубы* «злоба», «вражда», «разрушение» и оно оказывается оксюморонным и поэтому эмотивно-экспрессивным.

Языковая игра такого типа требует определенной компетенции и эмоционального интеллекта для осмысления и понимания (интерпретации). И такая игра – не развлечение (в отличие от того, чем занимается Н. Фоменко и ведущие «Русского радио»: *«Незванный гость хуже Гагарина; обещанного три гада ждут; самые поездатые поезда и др.»*). Видимо, к такому типу языковой игры относились игры издевок и остроумия в школах XII в. эпохи Римской империи, игры словесных фокусов и уловок. Е.Ф. Болдарева в своей диссертации напоминает о королевских шутах, которые все были великими острословами [Болдарева] и языковые игры которых требовали соответствующего эмоционального интеллекта для их понимания (они не все проводились по общеизвестным в то время правилам).

Эзоповский язык, кстати, тоже был формой языковой игры и он тоже выполнял далеко не развлекательную и не гедонистическую функцию. Это была обличительная, морализующая функция игры с языком, в отличие, например, от палиндрома (акроверта, тавтоверта, тавтомоноверта): *ужи – вот что вижу; ты ментор, а рот не мыт; миротвори, маха, мономаха, миротворим*; от пиджинизации типа: *не плюй в колодец – пригодится на pizza; семь bed – один ответ; telee, Емеля, твоя неделя*, и мн. других смеховых новаций языкового карнавала как типов языковой игры, в том

числе и через стилистические средства и приемы, что так подробно описано в: [Санников].

Внешняя атрибутика ЯИ – метафоризация, переносы, иносказания, различные типы деривации (семантической, словообразовательной, синтаксической), авербалика и др. операторы ЯИ, которые находятся на поверхности речевых актов, конечно же, представляют богатый материал для анализа собственно глубинных механизмов ЯИ как коммуникативной категории. Как уже показывают первые результаты их анализа, ЯИ может быть и социально обусловленной (сублимация необустроенности бытия языковой игрой), и лингвистически оформленной по протестному (поэзия Пригова, Губермана, пейоративы – неологизмы и т.п.) или по карнавальному варианту («Кривое зеркало», «Аншлаг», «Смехопанорама», палиндромы и т.п.). Через языковые игры СМИ правительство утешает и потешает, развлекает (отвлекает) народ, а народ в ответ тоже играет и, себя развлекая, провоцирует себя необычными словами (словосочетаниями) на все новые и новые ощущения. Эмоциональные валентности единиц языка и речи бесконечны [подробнее см.: Шаховский 1984].

В этом плане, несомненно, ЯИ является социальным инструментом, поскольку посредством ее возможно сознательное моделирование определенных эмоций в извечной оппозиции «мы» (народ) и «они» (управленческие правительственные структуры). ЯИ всегда заметна в коммуникативных ситуациях, т.к. она всегда экспрессивна (прагматична). ЯИ – всегда изобретение новых или замена знаков языка, иное их употребление, отклонение от формальных правил, но в пределах нормы, что и делает её, как правило, узнаваемой всеми русскоязычными коммуникантами и понимаемой, как минимум, на уровне догадки, в отличие от лингвистической зауми.

По сути дела мы играем с нормами языка и с уже имеющимся в нем. Н.Д. Арутюнова пишет: «Новое не первично. Оно осуществляет следующий за тем, что ему представляло, шаг. Новое всегда отсылает к прецеденту»

(Арутюнова: 725). Справедливость этого мнения подтверждается и игровыми новообразованиями: *съездюки; самые звездатые звезды; звездунчики; корытники* (о депутатах), *halfbright* (про гос.секретаря США М.Олбрайт); *путиномика, путиниана; порноментарий; НТВ* (не твое, Вова); *жириноиды; брехерендум; бандидат;; главнюк; дерьмовочка; шоумент; эскапакости.*

Так русскоязычные люди, протестуя против ненормальностей и униженностей их бытия, играют друг с другом посредством языка, реализуют свои коммуникативные потребности и интересы через сочетание эмотивной и когнитивной функций в особом виде речевого поведения *homo sentiens* – в языковой игре.

Можно ли выявить четко очерченные правила ЯИ? Этого лингвисты пока не знают, но уже знают точно, что для межкультурной коммуникации ЯИ лакунарна и поэтому не транслируема в большинстве случаев. Это – еще одна проблема ЯИ, как предмет внимания лингвистов и переводчиков.

ЯИ реализует бесконечный смысловой потенциал эмотивного кода языка. Благодаря ей значительно расширяется корпус речем, удовлетворяющих сиюминутную жажду экспрессии и дающих выход эмоциям – оценкам социальных референтов.

Исследование ЯИ показывает, что она является одним из средств категоризации человеческого опыта и концептуализации современной российской действительности.

Литература.

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. - М., 1998
2. Болдарева Е.Ф. Языковая игра как форма выражения эмоций. – Дис....канд.филол.н. – Волгоград, 2002
3. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996
4. Farb P. Word play.- N.Y. 1993
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосферы – история. – М., 1966
6. Литвак М.Е. Психологический вампиризм.- Ростов/ Дон, 2000
7. Немец Г.П. Семантика метаязыковых субстанций. М., - Краснодар, 1999
8. Пинкер С. Языковой инстинкт // Логос №8, 1999
9. Пищальникова В.А. Языковая игра как лингвосинергетическое явление //Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – вып.2.- Барнаул, 2000
- 10.Санников В.Э. Русский язык в зеркале языковой игры.- М., 1999
- 11.Шаховский В.И. Эмотивный код языка и его реализация в языковой игре // Эмотивный код языка и его реализация. – Волгоград, 2003 (а)
12. Шаховский В.И. Эмоциональный интеллект в языковой игре // Художественный текст и языковая личность. – Томск, 2003 (б)
- 13.Шаховский В.И. Эмоции и коммуникативное игровое пространство языка // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков. Человек и его дискурс. – М., 2003 (в)
- 14.Шаховский В.И. Интеллектуальные импликации газетных заголовков как языковая карнавализация// Актуальные проблемы психологии и лингвистики. М., - Пенза, 2000 (г)
15. Шаховский В.И. Влияют ли американизмы на русскую лингвокультуру // Русистика №2, 2002, Киев и №3, 2003

16. Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопросы языкознания №6, 1984